

НАРОДНЫЙ АРТИСТ
СССР
ЮРИЙ НИКУЛИНПечатается
с продолжением

«БРИЛЛИАНТОВАЯ РУКА»

В «Бриллиантовой руке» я впервые снимался с одним из любимых моих артистов—Анатолием Папановым. С ним было интересно и во время съемок, и на репетициях. Репетирует Папанов с Гайдаем, а я, хотя и не занят в сцене, тоже прихожу посмотреть. Интересно наблюдать, как Папанов работал над текстом. Переставит фразы или два-три слова добавит, и текст сразу же становится для него органичным, обретает сущность и выразительность. Даже несмешные при чтении фразы в сценарии вызывали уже на репетиции у всех смех.

Жену мою по фильму играла Нина Гребешкова, а моя настоящая жена Таня снялась в небольшой роли руководителя группы наших туристов. Воспользовавшись тем, что мой десятилетний сын Максим проводил свои летние каникулы с нами, Гайдай тоже занял его в эпизоде. Максим снялся в роли мальчика с ведерком и удочкой, которого «граф» (артист Миронов) встречает на острове и который «аки по суху» идет по воде. Поначалу Максим с энтузиазмом согласился сниматься, но, когда на жаре его 20 раз заставили репетировать одно и то же, а потом начались дубли, в которых Миронов бил его сзади ногой и сбрасывал в воду, это ему почему-то не понравилось, и он время от времени подходил ко мне и тихо спрашивал:

— Папа, скоро они кончат?

«Они»—это оператор и режиссер. У оператора Максим все время «вываливался» из кадра, а Гайдай предъявлял к нему претензии как к актеру. Дело в том, что, когда Миронов только замахивался ногой для удара, Максим уже начинал падать в воду. Получалось неестественно. Чувствовалось, что Максим ждал удара. После того как испортили 7 дублей, Гайдай сказал громко:

— Все. В следующем дубле Миронов не будет бить Максима, а просто пройдет мимо.

Сам же шепнул Миронову: «Бей, как раньше». Успокоенный Максим, не ожидая удара, нагнулся с удочкой и неожиданно для себя получил приличный пинок сзади. Он упал в воду и почти плача закричал:

— Что же вы, дядя Андрей?

Так сняли этот кадр. Вечером, засыпая, Максим сказал:

— Больше сниматься в жизни не буду.

В общем я доволен, как провел роль в фильме. Единственное недоволен, как получилась сцена, когда Семена Семеновича обольщает Незнакомка. Хотя и вызывает она смех в зрительном зале, все же считаю, что возможностей здесь больше и можно было все сделать раза в три интереснее и смешнее. Но что снято, то снято, и ничего, увы, не исправишь. Кино есть кино.

Натурные съемки «бриллиантовой руки» проходили в Адлере на берегу Черного моря. Всех нас разместили в гостинице «Горизонт», в подвале которой отвели место под костюмерную и реквизиторскую. В реквизиторской хранили моего «двойника»—точно сделанную из папье-маше фигуру Семена Семеновича Горбунова.

С моего лица на студии сняли складки, чтобы сходство у моего двойника получилось абсолютно. При съемке эпизода, когда Семен Семенович выпадает из багажника «Москвича», подвешенного к вертолету, эту фигуру предполагалось сбрасывать с высоты двух километров.

Потом оказалось, что добиваться сходства совсем не требовалось, потому что в кадре никто не сможет разглядеть лица падающей фигуры.

Но ее сделали и хранили в реквизиторской в ожидании дня съемки. Фигура, чтобы не пылилась, лежала на ящиках прикрыта простыней.

Любопытная уборщица, женщина из местных, подметала как-то подвал, заинтересовалась предметом, прикрытым простыней, и, приподняв ее, обнаружила мертвого артиста Юрия Никулина, который, видимо (так решила эта женщина), погиб на съемке, а потому его спрятали в подвале.

С диким криком уборщица бросилась из подвала, и через полчаса о смерти Никулина знал не только Адлер, но и другие города нашей страны, ибо уборщица по совместительству работала в аэропорту.

Почему-то люди любят сенсационные неправдоподобные слухи. На моем веку «хоронили» сестер Федоровых, дважды умирал Моргунов, на шесть частей «львы разрывали» в цирке Ирину Бургимову, несколько раз погибал Аркадий Райкин.

Узнав о моей смерти, я срочно позвонил маме в Москву (совсем как у Марка Твена, который сообщая через газету, что «слухи о моей смерти оказались сильно преувеличеными»), и не зря позвонил—через день маму уже спрашивали о подробностях моей гибели.

В титрах фильма «Бриллиантовая рука» есть такая фраза: «Киностудия благодарит граждан, предоставивших для съемок золото и бриллианты».

И среди зрителей попадались такие, которые на серьезе спрашивали:

— Юрий Владимирович, и многие давали свои бриллианты?

Увы, не все понимают юмор. А ведь, снимая фильм, мы, актеры и режиссеры, сутками бьемся над каждой фразой, жестом, стараясь сделать сцену посмешнее, по-комедийному.

ПЕРВАЯ ГЛАВНАЯ РОЛЬ

В конце зимы 1961 года у меня дома зазвонил телефон. Трубку взяла Таня и тут же обратилась ко мне:

— Просят с киностудии Горького. Подойдешь?

Какой может быть разговор! В то время я на каждый звонок со студии не подходил, а подбегал.

В трубке услышал женский голос:

— Юрий Владимирович, сколько вам лет? (Не поздоровались, не сказали, с какой картины звонят, а прямо так — «Сколько вам лет?») — и тут же добавили:

— Скажите, пожалуйста, как вы выглядите — старым или молодым?

— Да как сказать, — ответил я, — мне 40 лет.

И я почувствовал, что женщина расстроилась, но все-таки спросила:

— А может быть, вы все-таки выглядите примерно лет на 50? Нам это очень нужно.

Тут я решил спросить, из какой картины мне звонят.

— С вами говорят из группы фильма «Когда деревья были большими». Вы не могли бы приехать на студию? Мы хотим с вами серьезно поговорить.

На студии дали мне пухлый сценарий (видимо, до меня его читали многие) Николая Фигуровского «Когда деревья были большими».

Дома мы читали его всей семьей, и он нам понравился. К тому времени я уже прочел десятка два сценариев и мог их сравнивать. Будущий фильм рассказывал о судьбе Кузьмы Кузьмича Иорданова. Этот человек когда-то работал слесарем. В прошлом воевал и вот в мирной жизни никак не мог себя найти. Так случилось, что он остался без семьи, без друзей. Профессию свою забросил и жил на случайные заработки: то поднесет кому-нибудь купленную тумбочку из магазина домой, то подремонтирует что-то в чужой квартире. Появился у него друзья-собутыльники. Словом, постепенно он спускался: перестал бриться, ходил в грязной одежде, мог даже стянуть что-то из белья, которое сушилось на улице. Жил Кузьма Кузьмич в коммунальной квартире. Соседи и ругали его, и одновременно жалели.

Читал сценарий внимательно и никак не мог понять, какой же эпизод предназначен для меня.